

Анна Кушкова. *Крестьянская ссора. Опыт изучения деревенской повседневности.* СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 298 с.

Рецензируется книга, написанная в рамках антропологии повседневности и посвященная изучению ссоры в крестьянской культуре второй половины XIX — начала XX в. Ссора рассматривается как важный аспект социальных отношений в крестьянском быту. Описываются ее место в жизненном цикле крестьянской семьи и сельской общины; особенности ссоры, задаваемые статусной структурой социального пространства; особые конфликтные периоды, когда ссора возникает, и функции, которые она выполняет; гендерная и коммуникативная специфика ссоры; традиционные обычно-правовые институты и практики примирения; влияние ссоры на другие типы социального взаимодействия различных уровней, от семейного до общедеревенского. Работа написана в основном на материалах архива этнографического бюро князя В.Н. Тенишева и периодической печати.

Ключевые слова: ссора, антропология, деревня, семья, община, гендер, брак, социальные отношения.

По давно сложившейся и до сих пор мало изменившейся традиции, фольклористические, этнологические, антропологические исследования русской деревни сосредоточены по большей части на тех аспектах, которые легли в основу интереса к крестьянской жизни еще в начале XIX в.: обрядность, магия, верования, «картина мира» и т.п. Отдельные стороны социальной и частной жизни если привлекали исследователей, то большей частью с тех же точек зрения. Другие аспекты, такие как обычное право, быт, структура деревенского сообщества и т.п., обычно рассматриваются изолированно от этнокультурного контекста. Выходит, что мы довольно плохо знаем деревенскую жизнь как таковую и имеем представления о ней, складывающиеся больше из знания о предписаниях и запретах, специфике работы и времяпровождения, нежели из описания повседневной жизни в ее полноте. Литература, посвященная нормам, правилам, обычаям, регламентировавшим повседневную жизнь деревни, крайне незначительна.

Книга А. Кушковой, давно изучавшей особенности деревенской ссоры как важного компонента сельской повседневности, открывает перед нами почти неизведанную страницу в жизни русской деревни. Нужно ли говорить, что автор поставила перед

собой почти невыполнимую задачу: от сбора материала до его изложения и анализа в виде монографии? Собрать материал на эту тему в поле практически невозможно, не столько из-за перспектив стать действующим лицом, сколько потому, что для этого пришлось бы поселиться на длительный срок в одном месте и наблюдать за соседями. В итоге могла бы выйти частная зарисовка, а не материал для обобщений.

Так материал монографии оказался естественным образом ограничен рамками конца XIX — начала XX в., поскольку в это время неоценимая работа была сделана корреспондентами Тенишевского этнографического бюро. Конечно, их записи часто скудны, отрывочны, субъективны, к ним возникает много вопросов, зато благодаря количеству и охвату территории они в совокупности дают богатый материал для сопоставления и с привлечением иных опубликованных источников позволяют справиться с поставленной задачей. Этим обусловлен выбор хронологических рамок. Из книги мы получаем представление о видах, характере, причинах, течении, последствиях и урегулировании ссор столетней и более давности. Однако же за время, прошедшее с тех пор, жизнь в деревне радикально менялась несколько раз, поэтому расширение хронологических рамок повлекло бы за собой неизбежную необходимость писать еще одно, а то и несколько исследований на эту тему.

А. Кушкова оговаривает временные границы своего исследования, отсылая к двум важным точкам. В 1861 г. «отмена крепостного права дала мощный толчок изучению крестьянской культуры, а также накануне реформы волостного судопроизводства 1873 г. интенсивно собирали материалы о крестьянском правовом быте». И конец XIX — начало XX в., когда «возросшая мобильность населения (в том числе из деревни в город), дальнейшие судебные и образовательные реформы — все это вызвало внимание к “крестьянскому вопросу” в России и привело к появлению обширного корпуса материалов, относящихся к русской деревне» (С. 12). Поскольку используемый материал — это описания ссор и конфликтных ситуаций, исследование представляет собой не столько анализ деревенской ссоры как таковой, сколько изучение нарративов о ссорах, которые в большинстве случаев были записаны односельчанами и очевидцами. Разумеется, границу провести почти невозможно, а антрополог, работающий с результатами интервьюирования или анкетирования, неизбежно столкнется с определенным рода дистанцией между живым материалом и его описанием чужими словами. А. Кушкова не оговаривает этого обстоятельства и анализирует эти описания как документы, всегда адекватные объекту описания. Оценить степень адекватности невозможно, в таких случаях всегда приходится делать скидку на посредника. Однако

описанная ситуация подсказывает еще одно направление исследования, которое осталось за рамками книги. Стратегия выстраивания рассказа о ссоре столь же интересна, сколь и стратегия самой ссоры. Цитируемые в книге описания ссор наводят на мысль, что у большинства из них общая логика.

Географические рамки исследования ограничены центральными и северо-западными губерниями России, однако привлекается по мере необходимости и наличия белорусский, украинский материал, а также данные из других великорусских губерний (С. 11).

Тематика ссоры обширна, если не сказать безгранична (можно было бы обсуждать ссоры в отдельных фольклорных жанрах, в особых социальных группах — от религиозных сообществ до артелей, ссоры людей с мифологическими персонажами или самих мифологических персонажей между собой, молодежные ссоры как повод для общедеревенских или междеревенских драк и т.д.). Каждая из перечисленных ситуаций заслуживает внимания и ждет своего исследователя, но А. Кушкова логично ограничивается двумя видами ссор: семейными и общедеревенскими. В действительности и здесь не два типа, каждый из этих двух имеет множество подтипов, и вместе они охватывают заметную часть сельского коммуникативного пространства.

В самом начале знакомства с книгой возникает закономерный вопрос, насколько тут возможна типологизация, системный анализ и обобщающие выводы. Разумеется, даже при всех перечисленных ограничениях охвачены далеко не все возможные виды ссор и ситуаций, в которых они возникают. Однако исследовательница настолько глубоко владеет материалом и так убедительно выстраивает классификацию, что временами складывается впечатление, будто бы все деревенские ссоры протекали из-за имущества, супружеской неверности или семейной жестокости, развивались по одному из незначительного числа сценариев и заканчивались так, как было предписано общественными правилами. Во всем многообразии конкретных случаев (а в книге щедро цитируются архивные и опубликованные описания ссор), действительно, просматривается система, которая, как показывает А. Кушкова, определяется совокупностью многочисленных факторов: волостной судебной системой, решениями сельских сходов, обычным правом, симпатиями однодеревенцев и рядом других факторов.

Структура книги определяется отобранными для исследования видами ссор и задачей, которую ставит перед собой автор. Двигаясь постепенно от частного к общему, А. Кушкова описывает сначала семейные ссоры в их многообразии (разные виды супружеских конфликтов и *расходов*, а также конфликты, свя-

занные с разделом семьи), потом соседские, т.е. деревенские ссоры и установление искусственного родства как способ избежать их.

В главе «Некоторые коммуникативные аспекты крестьянской ссоры» автор делает попытку интерпретации ссоры как одного из способов внутрисемейной и внутрисельской коммуникации, подчеркивая, что она является хоть и неприятным, но все же необходимым инструментом разрешения известного набора конфликтов и вообще коммуникации между односельчанами. Описывая последовательность развития ссоры, автор замечает, что «значимым является не столько соответствие тех или иных обвинений действительности, но то, что они организуются говорящим в особую последовательность, используемую как орудие аргументации: “Случилось с бабой несчастье — ‘хлебы не вышли’ — ругань неизбежна. <...> Оказывается, например, что ‘баба ленива работает’, ‘по дому прохлаждается’, ‘неряха да не домовита’, ‘не может копейку соблюсти’ и т.д.”» (С. 201). Так формируется «если не новый, то, по крайней мере, по-новому структурированный смысл» (С. 201). Ссора, таким образом, выражает не столько конфликт по конкретному поводу, сколько более глубинный, созревавший длительное время и до поры заглушенный, но вырывающийся наружу в связи с конкретными сиюминутными обстоятельствами.

Большое внимание уделено характеру обвинений со стороны конфликтующих сторон в адрес друг друга. Делается вывод, что именно ложный характер обвинений служил «тем катализатором, который провоцировал отход от первоначального повода ссоры» (С. 201). Правда, архивные материалы, цитируемые в качестве примеров, несколько не подтверждают этот тезис. Они просто содержат набор оскорбительных обвинений, представляющих собой перечень грехов, прекрасно иллюстрирующий их иерархию в сознании крестьянства той поры, но несколько не оппозицию «истинное — ложное обвинение». Говоря о коммуникативных функциях ссоры, А. Кушкова приходит к выводу, что они выполняют и функцию адаптации к новым социальным ролям. Например, супружеские ссоры и ссоры молодой с родственниками происходили наиболее часто в первые годы после свадьбы, поскольку ее появление в семье принципиально меняло всю ее структуру и отношения между ее членами.

В пятой главе рассматривается гендерная проблематика ссор. Выделение этого аспекта, кажется, и не входило в задачи автора, однако материал диктует. Поскольку гендер в крестьянской семье и сельском социуме важен не столько сам по себе, сколько в силу значимости для статуса, которым обладает член социума, соответственно, рассматриваются мужские и *бабы*

ссоры, анализируются различия, сценарии тех и других, последствия и коммуникативные функции.

Наконец, — *всякая ссора красна мировую* — последняя, шестая глава посвящена различным способам примирения, а также институтам, на которые возлагалась эта функция: семейным советам, деревенским сходам, сельским старостам, волостным судам и др. Важное замечание, на котором основана вся глава о примирении, заключается в том, что его нельзя безоговорочно рассматривать как окончание ссоры. Напротив, оно может быть только промежуточным этапом, на время скрывающим конфликт, готовый разгореться заново (С. 225–226). Часто примирения участников конфликта так же легко превращаются в новую ссору, как и ссора заканчивается примирением, словно ничего и не было.

Книга А. Кушковой — первое исследование, написанное по этой теме на таком материале. Тем интереснее наблюдать за поиском инструментария, подходов, принципов анализа, терминологии — всем тем, что автор должна была выработать по ходу работы с материалом. Многие находки — и в первую очередь сам выбор темы и постановка вопросов, на которые приходится отвечать, равно как и выводы, — крайне интересны. Оказалось, например, что возможно увидеть в ссорах не только систему, но и важнейший регуляционный и регламентирующий механизм, задействованный в сельском социуме. Поражает и сам собранный и обильно цитируемый материал, за которым стоят не частные случаи во всем их многообразии, но бесконечно повторяющаяся, многократно воспроизводимая модель поведения. Разумеется, как все живое, она представлена во множестве конкретных деталей, каждый раз новых; конечно, за всеми этими не слишком подробными и схематичными описаниями, приводящими к еще более отвлеченным исследовательским построениям, стоят судьбы людей. И это тоже могло бы стать отдельной темой. Но то, что замечено, понятно и показано в книге А. Кушковой, — несомненно, новое слово, к которому следует прислушаться.

В поисках инструментария и терминологии для исследования автор обращается к существенно более разработанным сферам исследований традиционной культуры. Это отчасти оправданно, но далеко не всегда выглядит убедительным. Например, для описания особенностей семейных ссор в первые годы брака А. Кушкова обращается к давно и хорошо описанной ситуации ритуального принятия молодухи в семью мужа и связанным с этим смыслом и символическим действиям. Действительно, параллелизм, сходство коммуникативной структуры, тождество времени, места, действующих лиц очевидно. Переход молодой

из родительского дома в дом свекра — это и ритуальное изменение статуса, и бытовое, и экономические изменения. И то и другое связано с отчуждением в одной семье и постепенным, но медленным принятием в новую семью через преодоление вражды (ритуальной и реальной). Тут возникает соблазн использовать терминологию и инструментарий описания ритуального перехода. Я имею в виду описанный еще А.А. Потемной и детально разработанный А.К. Байбуриным (не только для свадебных обрядов, но и для ритуальной системы в целом) и используемый им для анализа структуры различных обрядов концепт доли, «(части) жизненной силы и благ из общего их запаса, который распределяется между всеми людьми» [Байбурин 1993: 51]. А. Кушкова переносит этот термин на экономические отношения внутри семьи, систему распределения общих семейных материальных благ, работ, направленных на их производство, а также на части имущества, которые закреплены за отдельными членами семьи (как, например, приданое) (С. 75–77). Такая параллель сама по себе важна и уместна, однако вопрос вызывает оправданность переноса термина с одного явления на другое.

Похожую ситуацию можно видеть с терминологией, которая используется для обозначения разных видов семейных ссор. Кажется вполне естественным использование собственно народной терминологии. Зачем изобретать что-то новое? Но это лишь на первый взгляд, поскольку диалектная терминология не едина, термины могут использоваться и понятийно, и территориально ограничено, но главное — возникает омонимия. Так произошло с обозначением *прочка*, который в белорусской традиции обозначает «временное удаление кого-либо из членов семьи “от семейно-житейских невзгод” и пребывание вне дома до окончания конфликта» (С. 82) — в отличие от иных типов удалений (*сбязгов*, *вонок*, *драпаков* и проч.). Тем же термином обозначается и субъект — как правило, жена, ушедшая временно от мужа. Описывая ситуации, действия участников, их статусы, А. Кушкова активно использует термин *прочка* как метаобозначение, однако тут неизбежно возникает путаница.

Во-первых, если речь идет о региональном термине, наверное, стоило бы говорить и о локальном варианте ухода из дома (народные юридические обычаи, регулирующие отношения супругов в ссоре, тоже, надо полагать, несколько различались от места к месту), а не распространять его на всю исследуемую традицию. А во-вторых — и это наиболее существенно — многозначное слово плохо годится на роль термина, к тому же не следовало бы вслед за традицией употреблять его сразу в обоих значениях. В определенных контекстах читатель вынужден догадываться, идет ли речь о ситуации ухода из дома или о самой ушедшей: «Описанная конфигурация прочки

не является единственно возможной. <...> Так, прочка, имеющая “влиятельных защитников в лице родителей”, идет “под надежный кров, иногда явно, даже парадно”» (С. 93).

Использование семиотического инструментария для анализа такого материала тоже кажется несколько излишним. Вот от тех же прочках: «Прочка <...> является одной из пространственных репрезентаций ссоры» (С. 93). Собственно, автор, надо полагать, хотела обратить внимание на то, что в описанной ситуации задействовано два локуса, коль скоро жена возвращается в дом родителей. Но есть ли надобность писать об этом вообще? Людям свойственно существовать в пространстве, а сама по себе ситуация ухода предполагает очевидным образом расширение этого пространства за границы дома. В данном примере из этого тезиса в дальнейшем ничего не вытекает, так что он вполне мог бы быть опущен. В других случаях возникает излишняя сложность и путаница.

А. Кушкова не до конца решила для себя вопрос об отношении к статистике. Располагая, как кажется, значительным количеством описаний деревенских ссор (впрочем, число анализируемых записей не указано), она стремится к обобщениям, желая показать тенденции и закономерности. Однако едва ли статистика, основанная на цитируемых материалах, была бы хоть немного достоверной, поскольку наличие описаний одного и отсутствие сведений о другом зависит от интересов, пристрастий и скромности отдельных корреспондентов, да и материал собран неравномерно по территории России. Как замечает сама исследовательница, описаний примирений значительно меньше, чем описаний ссор, возможно потому, что примирения не столько привлекали внимание посторонних. Вероятно, исходя из описанных обстоятельств автор ограничивается неконкретными обозначениями «часто», «много» и т.п. Но когда материал неоднороден, смысл таких описаний начисто теряется: «Еще одна особенность деревенской ссоры, которая *часто* вызывала недоумение внешних наблюдателей. Высокой интенсивности ссор <...> может соответствовать их скорое и “незаметное” окончание». И далее о том же: «Конечно, мы не имеем в виду, что все ссоры заканчивались подобным образом; даже в наших материалах представлено *большое* количество примеров общедеревенских ссор, заканчивающихся увечьями» (С. 199–200; курсив мой. — А.М.). Если одно происходит часто, а противоположного большое количество, насколько релевантна оппозиция и не равно ли это простому тезису, что бывает по-разному, всяко, как угодно?

Разработка метаязыка — задача сложная, в особенности когда этнографические записи уже имеют свой метаязык и прихо-

дится учитывать и его тоже. И конечно же, такой язык описаний ссор сам по себе мог бы стать объектом исследования. Но А. Кушкову интересуют другие вопросы, ответы на которые она дает подробно, убедительно и часто весьма неожиданно. Книга заполняет заметную лакуну в исследованиях деревенского социума, и я соглашусь с выводом автора: «Изучая ссору, мы в конечном итоге изучаем саму традиционную культуру, предлагая новый ракурс ее рассмотрения» (С. 262). Ракурс не только новый, но и крайне важный.

Библиография

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Андрей Мороз

Review of Anna Kushkova, *Krestyanskaya ssora. Opyt izucheniya derevenskoy povsednevnosti* [Peasant Quarrel: A Study of Rural Everyday Life]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2016, 298 pp.

Andrei Moroz

Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq., 6, Moscow, Russia
abmoroz@yandex.ru

The book reviewed concerns a study of quarrels in the peasant culture of the second half of 19th — early 20th century. This book examines the quarrel as an important aspect of social relations in the everyday life of peasants: the place of quarrel in the life cycle of a peasant family and rural communities; specifics of a quarrel depending on the social status of a person in a rural community; specific periods of conflict, when a quarrel occurs, and the functions it performs; gender and communicative peculiarities of a quarrel; traditional juridical institutions and practices of reconciliation; the influence of a quarrel on other types of social interaction at various levels, from family to rural community. The work is based on the archive materials of the Ethnographic Bureau of V. N. Tenishev and periodicals of the period.

Keywords: quarrel, anthropology, village, family, community, gender, marriage, social relations.

References

Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoy culture* [Ritual in Traditional Culture]. St Petersburg: Nauka, 1993, 240 pp.